

Лермонтов 19:10

29 МАЯ 1984

29/5/1984

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ПОИСКИ И НАХОДКИ

В фонды Орловской галереи этот портрет поступил в 1957 году. И все это время на него никто не обращал внимания.

А в начале этого года сотрудники галереи решили пересмотреть фонды и подготовить большую выставку произведений русского искусства. Научный сотрудник В. Василенко управляет в Москву очередную бандероль с фоторепродукциями: портреты неизвестных военных в самых разнообразных мундирах, увешанных орденами и без всяких наград... Бандероль она адресует Александру Михайловичу Горшману.

К этому уникальному знатоку военных форм и вооружения XVIII—XIX веков часто обращаются из художественных, литературных и краеведческих музеев. Доскональное знание Горшманом всех тонкостей военных регалий помогло разгадать немало загадок. Он-то первый и обратил внимание на изображение молодого человека, непринужденно сидящего у дерева на фоне горного пейзажа.

Отсутствие на околыше фуражки кокарды, введенной с января 1844 года, позволяло сказать, что рисунок сделан до этого времени. Вот, пожалуй, и все. Ни наград, ни указаний на чин.

Но это лицо!.. Немудрено, что Горшману сразу вспомнился знаменитый портрет М. Ю. Лермонтова, написанный художником К. А. Горбуновым в феврале 1841 года. Такая же форма (Тенгинского пехотного полка): стюрок с отложным воротом и отогнутыми бортами; шейный офицерский платок из черного шелка, узкие полоски—контрпогоны—на плечах, служащие для крещения эполет. Но самих эполет нет—их не носили на Кавказе в повседневной жизни. Через правое плечо—узкая португеза, к ней крепится шапка с эфесом, утопленным в ножнах. Подобные шапки назывались «калыч», по имени мастера, и были чрезвычайно популярны среди кавказцев.

Таково впечатление от репродукции. Но что же представляет собой оригинал? Нет ли пояснительных надписей? ...Хранившийся в Орле портрет оказался большим (27,7 X 34,8 см) эстампом. Внизу миллиметровыми буквами в одну строчку оттиснуто: «Рис. с натуры Шведе.— Лит. главн. управления путей сообщения и публичных зданий (К. Поль директор).— Рис. на кам. Белоусов».

Обычно под такой строчкой крупно печаталось имя портретируемого или факсимиле его подписи. Но здесь нижнее поле обрезано владельцем до предела, видимо, чтобы вставить лист в застекленную рамку.

Сведения, как видите, скудные. И все же не оставила мысль: а вдруг Лермонтов?

Ведь имя Шведе известно лермонтоведцам.

«Рисовал с натуры Шведе»

Шведе приехал из Петербурга в Пятигорск на исходе мая 1841 года вместе с семейством Арнольди. Молодой гусар Александр Арнольди пригласил художника с собой, чтобы под его руководством заниматься живописью. Но обязанности учителя не были обременительными. «Шведе рисовал портреты и написал мне очень схожий портрет дяди моего,— пишет Арнольди в своих мемуарах.— Кроме того, часто со мною писал виды с натуры». Дядей мемуариста был декабрист Н. И. Лорер, переведенный из Сибири рядовым в кавказские войска и накануне их встречи получивший офицерский чин. Портрет Лорера ныне находится в Эрмитаже.

Известно, что Арнольди был приятелем Лермонтова и сослуживцем по лейб-гвардии Гродненскому гусарскому полку. Приятельские отношения подерживались и в Пятигорске, тем более что поселились они по соседству. В уловом доме с террасой, некогда давшим приют Шведе и семейству Арнольди, сегодня размещается постоянная выставка «Лермонтов в изобразительном искусстве». И с террасы открывается вид на зеленый двор и белый домик под камышовой крышей, где жил Михаил Юрьевич...

В этом домике бывали многие друзья поэта. Лорер вспоминал: «Гвардейские офицеры после экспедиции нахлынули в Пятигорск, и общество оживилось. У Лермонтова я встречался со многими из них. Вся эта молодежь чрезвычайно люби-

ЛЕРМОНТОВ, 1841 ГОД?

ла декабристов вообще, и мы легко сошлись с ними на короткую ногу. Лермонтов был душою общества... Стали давать вечера, устраивали пикники, кавалькады, прогулки в горы».

Трагическая дуэль 15 июля оказалась неожиданностью для многих. «Я еще не знал о смерти его,— читаем в воспоминаниях Лорера,— когда встретился с одним товарищем сибирской ссылки Вегелиным, который, обратившись ко мне, вдруг сказал: «Знаешь ли ты, что Лермонтов убит?» Ежели бы гром упал к моим ногам, я бы и тогда, думаю, был менее поражен, чем на этот раз. «Когда? Кем?»— мог только я воскликнуть. Мы оба с Вегелиным пошли на квартиру покойного, и тут я увидел Михаила Юрьевича на столе, уже в чистой рубахе и обращенного головой к окну... Живописец Шведе снимал портрет с него масляными красками».

Работу эту Шведе выполнил по заказу А. Столыпина, родственника поэта, и повторил для Арнольди. Ныне она хранится в Ленинградском литературном музее; там же карандашный набросок.

Мог ли Шведе зарисовать поэта с натуры еще до дуэли, в течение тех полутора месяцев, что они жили в соседних домах и вращались в одном и том же довольно тесном кругу? Вполне.

Мысль эта все более утверждалась по мере того, как все новые люди, которым мы показывали портрет, находили в нем сходство с Лермонтовым. И если это так, то... сенсация. Но почему же литографированный, то есть размноженный в десятках экземпляров портрет до сих пор не попал в поле зрения исследователей?

Александр Михайлович поделился своими сомнениями, и я решил разобраться в истории удивительного эстампа. Вот что удалось установить.

Литография

у Измайловского моста

Кто же был такой Шведе? Кто мы о нем знаем? Знаем, что учился у Карла Неффа, которого иногда называли русским Рафаэлем. До 1852 года Шведе работал в Петербурге, затем в Риге. Однако творчество Шведе с трудом поддается изучению: в государственных музеях хранятся считанные его полотна, большинство осталось в частных собраниях, в узком семейном кругу портретируемых. Нет и научной биографии художника. Сведения о нем отрывочны. Даже доходит до курьезов. Роберт (Адельберт Константинович) Константинович (Евстафьевич) Шведе— так называет его Лермонтовская энциклопедия. И называет... неточно. Из документов архива Академии художеств, которые я просмотрела, ясно, что существовало два художника Шведе—Роберт Константинович Фридрихович и Адельберт Теодорович. И на Кавказе в 1841 году был первый из них.

Так стоит ли удивляться, что портрет мог до сего дня оставаться неизвестным, если мы не знали даже правильного имени-отчества автора? Мудрено ли, что среди десятков преданных забвению его работ оказалась и эта?

Итак, Шведе рисовал с натуры... Но перед нами, как явствует из подписей, не оригинал, а литографированная копия, выполненная Белоусовым.

Знание личности рисовальщика на камне, его квалификации очень важно всегда, а в нашем случае— особенно. Лев Александрович Белоусов не был к тому времени опытным новичком. Сын гравера, он учился живописи в Академии художеств, делал эстампы с картин Рафаэля и Кипренского. Это был первоклассный мастер!

В 1840 году он определяется в Департамент военных поселений во Временную литографию по изданию «Исторического описания одежды и вооружения российских войск».

Многотомное «Описание», в создании которого принимал участие Белоусов, готовилось к печати по «высочайшему повелению», средств не жалели. В Париже и Дрездене на десятки тысяч рублей приобретались лучшие прессы, инструменты, материалы. Ответственным за выпуск «Описания» был генерал-адъютант Клейнмихель. Перейдя в Главное управление путей сообщения и публичных зданий (ГУПС), он перевел туда весь штат и оборудование Временной литографии. С 26 февраля 1844 года рисовальщик Белоусов и его коллеги стали ходить на службу по новому адресу: дом Успенской у Измайловского моста (ныне № 1/122 на углу Измайловского проспекта и набережной Фонтанки). И вот в документах появляется новое имя: «старший художник Карл Поль, определенный для управления литографией в искусственном отношении». Это третья подпись под нашим портретом.

К. Поль был приглашен в студию Обществом поощрения художников в 1840 году. Именно в литографии Поля был изготовлен самый первый портрет Лермонтова с оригинала Горбунова— он прилагался к январской книжке «Отечественных записок» 1842 года.

А 29 июня 1844 года царь назначил художника Поля директором литографии ГУПС. И значит, наш портрет был напечатан не ранее этого числа, но и не позднее мая 1853 года, когда Белоусов окончательно «был уволен от занятий по литографии...»

Но возникает еще один вопрос. Каким образом казенное заведение, предназначенное для выпуска «Исторического описания», могло напечатать портрет Лермонтова? Не было ли это из ряда вон выходящим событием?

Нет, не было. Время от времени в работе над описанием военных форм возникали перерывы. И художники брались за частные заказы. Начальство это поощряло, поскольку частные заказы были делом прибыльным.

Заказ генерала Философова?

Позволим себе назвать такие даты. Оригинал портрета, возможно, рисован с натуры Робертом Шведе на Кавказских Минеральных Водах в конце мая— начале июля 1841 года. Литографированная копия изготовлена петербургским заве-

дением между 29 июня 1844 года и 1 мая 1853 года.

Теперь можно обратиться к архиву Петербургского цензурного комитета: нет ли там упоминания о портрете? Ведь цензурные реестры включали в себя не только книги, журналы, но и всю печатную продукцию, в том числе и отдельные эстампы. Но, увы, лермонтовского портрета я среди них не нашел.

Тогда появилась другая мысль. А что если он вообще не поступал в цензуру? Если общественное положение заказчика и специфический характер заказа позволяли стать вне общих правил?

В архиве ГУПС хранится письмо 1851 года от генерал-адъютанта Философова с просьбой доставить в непродолжительное время по двадцать экземпляров последнего издания портретов великих князей Николая и Михаила Николаевичей. Ответ последовал незамедлительно, и портреты были препровождены «для поднесения их высочеством».

Но А. И. Философов был родственником Лермонтова. Мало того, был к нему дружески расположен и неоднократно помогал в трудных обстоятельствах. Благо, что статус воспитателя двух младших сыновей Николая I давал ему для этого возможность. В 1856 году Философов впервые издал полный текст «Демона», отвергнутый русской цензурой. Издал на собственные средства, за границей, в Карлсруэ, в тамошней придворной типографии тиражом— кто бы мог сейчас предположить?— 28 экземпляров. Книга в продаже, разумеется, не поступала и предназначалась исключительно для членов царской семьи и сановников, от которых зависело снятие цензурного запрета, а также для раздачи ближайшим родственникам Лермонтова. Три года спустя поэма вышла в России.

Заметим попутно, что литография ГУПС фактически также была придворной... А в записке Эрмитажа мне удалось найти портрет великого князя Михаила Николаевича, юноши в военной форме со штаб-офицерскими эполетами. Текст под рамкой: «Писал В. Гау.— Литография Главного управления путей сообщения и публичных зданий (К. Поль, директор). Рис. на камне Л. Белоусов».

Что же? Явный аналог нашего портрета. Такой же точно формат. Такая же технология: лист тонкой «китайской» бумаги приклеен к розовой плотной подложке. И то же безупречное мастерство рисовальщика на камне Белоусова.

Удивительно, но реестры цензурного комитета не содержат ни этого, ни второго эстампа, названного в письме Философова, хотя другие портреты членов императорской фамилии, предназначенные для широкой продажи, встречаются неоднократно.

Можно предположить, что портрет Лермонтова, как и портреты великих князей, печатался ограниченным тиражом, «для избранных». И потому цензуре не подлежал. И возможно, заказчиком в обоих случаях выступал А. И. Философов. Хотя— и это также надо иметь в виду— были в столице и другие высокопоставленные особы, неравнодушные к творчеству Лермонтова, которые могли сделать подобный заказ.

Как попал

портрет на Орловщину?

В Орловскую картинную галерею литография Шведе—Белоусова поступила из местного краеведческого музея. Там она хранилась с конца 1927 года. Более точных сведений нет, поскольку инвентарная книга потеряна. Остается строить догадки— как, через кого мог попасть на Орловщину уникальный портрет. А таких путей могло быть много...

В селе Васильевском Елецкого уезда Орловской губернии постоянно проживало многочисленное семейство Арсеньевых. Здесь познакомились родители поэта— Мария Михайловна Арсеньева, приехавшая погостить из Пензы, и Юрий Петрович Лермонтов, который часто навещался из соседнего села Кропотова. М. Ю. Лермонтов неоднократно посещал обе вotchины. Впоследствии часть кропотовских реликвий, включая подлинные рисунки поэта, поступила в Институт русской литературы Академии наук.

Еще один ближайший родст-

венник поэта (племянник его бабушки)— генерал-артиллерист Аркадий Дмитриевич Столыпин, первый организатор Орловской ученой архивной комиссии. С ним Лермонтов повседневно общался и в Москве, и в подмосковном Середниково, и в Петербурге. Орловской жительницей была также дочь генерала Мария Аркадьевна, в замужестве Офросимова. Нескольких портретов из бывшего собрания Столыпина— Офросимовых стали ныне экспонатами областной галереи.

Назовем еще несколько лиц, тесно связанных с этими местами и близко знавших Лермонтова.

Один из его ближайших друзей В. А. Шеншин учился вместе с ним в Московском университете, а затем в школе юнкеров. В. Н. Охотников— их одноклассник по той же школе. С. И. Сабурова— одна из первых московских красавиц; ей посвящен мадригал «Глядясь чаще в зеркала». Брат ее Михаил— соученик поэта по университетскому пансиону. В 1832 году Сабурова вышла замуж и переехала в Орел. С. И. Кривцов— декабрист, с которым Лермонтов познакомился на Кавказе. И. А. Вревский— еще один товарищ по юнкерской школе, ставропольский дом которого ссыльный поэт часто и охотно посещал.

Дворянами Орловской губернии были Олсуфьевы. Когда родственник поэта А. И. Философов решил издать за границей «Демона», то список поэмы незамедлительно и с добрыми напутствиями был прислан ему хранителем придворного архива В. Д. Олсуфьевым. И если допустить, что именно Философов заказал литографированный портрет Лермонтова по оригиналу Шведе, то полная осведомленность Олсуфьева была бы естественной. И это тоже ничтожка.

Впрочем, можно раскинуть сеть наших предположений еще шире. Коренными орловцами было семейство Абаза. После возвращения с Кавказа художник Роберт Шведе жил, как вспоминают его знакомые, «в доме Абазы». Даже если это не более, чем почтовый адрес (набережная Фонтанки, четвертый дом от Аничкова моста), вряд ли следует исключать знакомство живописца со статским советником А. В. Абазой. От Шведе хозяин дома вполне мог получить литографию с его рисунка.

Для нас безразлично и то, что Абаза— соседи по имению и друзья Михаила Павловича Глебова, секунданта на последней лермонтовской дуэли.

Около века в лермонтоведении держалось мнение, что поэт весной 1841 года по дороге на Кавказ заезжал к М. П. Глебову в сельцо Мишково Мценского уезда Орловской губернии. Разными исследователями не один раз повторялось свидетельство о пожелтвшем портрете Лермонтова с его автографом, о кавказской шапке с литерой «А» на эфесе, якобы обнаруженных на чердаке мишковского дома. Новейшее исследование эту версию не подтверждает, все-таки приезд Лермонтова в Мишково— не более чем легенда...

Но в то же время это совсем не исключает, что в семействе Глебовых могли храниться лермонтовские реликвии. Причем долгое время девять родных братьев и сестер Михаила Павловича жили на Орловщине.

Многое связывало Лермонтова с этим краем. И, конечно, связей могло быть гораздо больше, чем мы сумели проследить и выявить.

◇

Если согласиться с тем, что Шведе изобразил именно Лермонтова, то его работа имеет исключительную ценность.

Тогда перед нами последний прижизненный портрет Лермонтова! Большого формата, очень подробный. Выполнен с натуры талантливым художником. Перенесен на камень искусным рисовальщиком. Отпечатан на высококачественном бумаге, по новейшей технологии лучшим литографом Петербурга.

Судя по всему, литография Шведе—Белоусова должна была пользоваться огромным спросом. Почему наш лист оказался единственным? Думаю, на этот вопрос ответит время. Пока мы знаем о единственном экземпляре. Но не оставляет мысль, что в чьем-нибудь доме или в каком-нибудь музее имеется точно такой портрет.

И на сохранившемся нижнем поле— крупно— имя поэта.

Я. МАХЛЕВИЧ.
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД — ОРЕЛ.